

*Н. В. Карева
(ИЛИ РАН)¹
М. Л. Сергеев
(СПбГУ)²*

**«ГРАММАТИКА
ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ»
(1730) И ФОРМИРОВАНИЕ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII В.³**

Ключевые слова: история русского языка XVIII в., грамматика русского языка 1700–1750-х годов, Академия наук.

В настоящей главе рассматривается одна из первых грамматик русского языка — «Грамматика французская и русская» (СПб., 1730), анализируется вопрос об авторстве грамматики, а также очерчивается круг ее возможных источников.

Созданию «Российской грамматики» М. В. Ломоносова предшествовало появление ряда грамматических руководств по русскому языку. Эти первые грамматические опыты были написаны на иностранных языках — немецком, латинском, фран-

¹ Наталья Владимировна Карева, канд. филол. наук, науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

² Михаил Львович Сергеев, зав. сектором Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки СПбГУ.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-34-00355 «Формирование академической лингвистической традиции» (рук. Н. В. Карева), а также темы НИР СПбГУ № 31.38.99.2012 «Европейское Просвещение и формирование языка гуманитарных наук в России» (рук. К. А. Филиппов).

цузском, шведском — и предназначались, по всей видимости, для обучения русскому языку иностранцев. Изданная в Петербурге в 1730 г. без указания имени автора «Grammaire Françoise et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена съ малымъ Лексикономъ ради удобства сообщества» (64 стр., 8°) также принадлежит к кругу так называемых доломоновских грамматик русского языка. Известны два ее экземпляра — один хранится в Санкт-Петербурге в отделе редкой книги Библиотеки Академии наук (шифр 1730/2; этим экземпляром мы пользовались в нашем исследовании), другой в Галле (Universitäts und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt. Halle an Saale).

«Грамматика французская и русская» не раз привлекала внимание исследователей. В первую очередь, этот интерес был связан с определением ее авторства. В. П. Вомперским, например, было высказано предположение, что И. С. Горлицкий являлся не переводчиком, а автором «Грамматики французской и русской» (Вомперский 1969). Атрибуция В. П. Вомперского была поставлена под сомнение Б. А. Успенским, который сопоставил «Грамматику французскую и русскую» с обнаруженными им в Британском музее фрагментами грамматических сочинений И. С. Горлицкого и не нашел между ними сходства (Успенский 1997: 441–446). С. В. Власов и Л. В. Московкин, рассмотрев предложенные ранее и некоторые новые гипотезы об авторстве «Грамматики французской и русской» и проанализировав характерные ошибки во французской и русской частях, предположили, что автором грамматики мог быть немец, сотрудник Петербургской Академии наук (Власов, Московкин 2007; Власов, Московкин 2008).

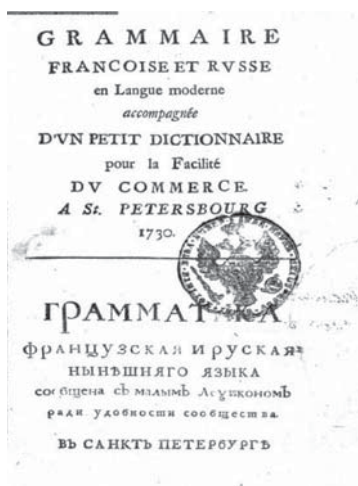
В нашей работе, не давая прямого ответа на вопрос о том, кто был автором «Грамматики французской и русской», мы добавим некоторые штрихи к его портрету. Описав структу-

ру грамматики, мы охарактеризуем лингвистическую компетенцию автора, степень его владения грамматической терминологией и теорией. Кроме того, обратившись к разделу *Abreviations de la Langue Russe* (список сокращенных написаний под титлами), мы сопоставим его с аналогичными разделами других грамматик русского языка первой половины XVIII в. Таким образом, в данной главе мы попытаемся дать ответ на вопрос об отношении автора грамматики к кругу преподавателей Академической гимназии и об использовании им при создании нового руководства более ранних грамматик русского языка.

1. «Грамматика французская и русская»: структура; неточности перевода; лингвистическая компетенция автора

1.1. Структура грамматики

Титульный лист «Граматики французской и русской» набран на двух языках (с. 2). Далее материал расположен двумя

столбцами: в левом находится французский текст, в правом — русский; предполагалось, что читатель-иностранец будет усваивать материал русского языка в соответствии со структурой французского. Соблюдение этой схемы в разделе об орфографии (с. 3–5), приводит к тому, что в «Грамматике французской и русской» не дан полностью русский алфавит. Вместо этого сначала приводятся русские соотвествия французским буквам (А В С D E ... А Б Ц Д E ...),

а затем разъясняется произношение букв, не попавших в этот список (Ж, У, Х, Ч, Ш и др.). Далее следует список сокращенных написаний под титлами без французского перевода (с. 6–11)

и перечень слов, включающий в себя числительные, названия мер, месяцев и временных интервалов с переводом на французский (с. 11–14). Примечательно также отсутствие раздела, в котором были бы даны парадигмы склонения числительных. Очевидно, этот раздел (как и раздел о склонении прилагательных) был пропущен из-за того, что автор ориентировался на некое французское грамматическое пособие. Во французском языке у числительных и прилагательных нет падежного словоизменения, поэтому во французских грамматиках, например, в грамматике П. Ресто (Restaut 1730), нет отдельных разделов по этим частям речи или в них сообщаются сведения о семантике и словообразовании (Chiflet 1700: 21–26). Отсутствие этого материала в «Грамматике французской и русской» приводит к существенному пробелу в изложении морфологии⁴.

За перечнем лексики следуют парадигмы склонения существительных (с. 15–20). Автор «Грамматики французской и русской» делит существительные на два склонения: к первому относятся все существительные женского рода, здесь же дается парадигма склонения слов среднего рода на *-я*; ко второму — все существительные мужского рода и оставшиеся существительные среднего рода. До сих пор не удалось найти источников такой классификации; объединение в одном типе склонения слов женского рода на *-а* и *-ь* и среднего рода на *-я* встречается, кроме «Грамматики французской и русской», только в «черновой» рукописи грамматики Ф. Поликарпова (2000), но в других аспектах совпадений с классификацией Ф. Поликарпова нет.

⁴ Русские грамматики, как правило, присваивали склонению прилагательных порядковый номер, следующий за числом склонений имени существительного: в грамматиках М. Смотрицкого (1721), Г. В. Лудольфа (1696), Э. Копиевского (1706), Ф. Максимова (1723), В. Е. Адодурова (1731) это пятое склонение; у Ф. Поликарпова четвертое или пятое (в разных рукописях по-разному); в грамматике Ж. Сойе (1724) — склонения XI–XVII.

Вместе с тем, формулировка, вводящая парадигму среднего рода на -я, не предполагает ее отождествления с первым склонением: *Quoique j'aie dit que la lettre Я soit du Genre Feminin & de la premiere Declinaison, il s'en trouve cependant du genre Neutre* (с. 17).⁵ Возможно, парадигма склонения существительного *имя* была дана вслед за парадигмой склонения существительного *государыня* потому, что, по мнению автора, обучающемуся так проще было запомнить, что слова на -я могут изменяться по-разному.

Следующий раздел составляют парадигмы склонения местоимений (с. 20–27). Набор местоимений в «Грамматике французской и русской» — стандартный для грамматик русского языка XVIII в. Исключение составляют склонение местоимений *вашь* и *свои*, парадигмы которых, кроме «Грамматики французской и русской», даны только в грамматике М. Смотрицкого, и склонение местоимения *нѣкоторои quelqu'un* — последнее появляется в «Грамматике», видимо, под влиянием французских сочинений, где неопределенные местоимения традиционно выделялись в отдельный раздел (Restaut 1730: 66–68). Влиянием французской грамматической традицией объясняется также пропуск во всех парадигмах местоимений, кроме *moi* и *твои*, форм среднего рода, которого нет во французском языке.

После парадигм склонения местоимений представлены правила образования отыменных прилагательных (с. 28–30) и употребления предлогов (с. 30–37). Затем без какого-либо отступа или заголовка дан небольшой словарь (с. 37–39), включающий в себя фразы и словосочетания (например, *jay lu avec les dames deux heures читаль съ господами два часа*), и список *Equivoques* (с. 39–40) — специфический раздел грамматик для иностранцев: в нем перечислены сходные по написанию или произношению

⁵ Хотя я сказал, что буква Я относится с женскому роду и первому склонению, она обнаруживается и в среднем роде <перевод авторов>.

слова, которые легко перепутать (например, *мука* — *farine* и *мука* — *tourment*, *лукъ* — *ognon* и *лукъ* — *arc de flech*⁶).

Обширная часть «Грамматики французской и русской» о глаголе (с. 41–61) полностью лишена описательной составляющей и состоит из парадигм и небольшого словаря. Последовательность парадигм в «Грамматике» не дает представления о типах спряжения: *венчаю, читаю, учю, люблю, имею, есмь, хочу, могу, иду* и т. д., хотя авторы других известных нам грамматик этого периода четко разграничивали парадигмы на *-мь*, I и II спряжений. В словарной части для глаголов даны формы настоящего (для совершенного вида — будущего) и прошедшего времен, а также инфинитив. Отметим, что русские эквиваленты приведены в этом разделе то в совершенном, то в несовершенном виде (например, *estire пишу писалъ писать, но mettre положу положил положить*). Так как в парадигмах и фразах автор легко справляется с видовыми различиями, видовую путаницу в этом разделе мы склонны объяснять отсутствием продуманного решения при переводе глагольных форм.

Завершает «Грамматику французскую и русскую» еще один словарный раздел: в нем представлена разнообразная именная лексика, преимущественно связанная с бытом (названия еды, одежды, столовых приборов и т. п.) Исходя из выбранной автором лексики, а также отсутствия раздела, связанного с синтаксисом, можно предположить, что учебник вряд ли предназначался для осваивающего языковой курс студента, — скорее он был адресован путешественнику, запоминающему отдельные грамматические правила и слова прямо перед поездкой или уже в дороге. О том, что «Грамматика французская и русская» рассчитана на быстрое обучение иностранца русскому языку говорит и последняя фраза: *можно эту граматку научиться читать в восемь дней* (с. 64).

⁶ Такого же рода примеры есть в «Grammatica russica» Г. В. Лудольфа, но не отдельным перечнем, а в тексте орфографического раздела: *пиешь bibis. быешь verberas, поль sexus. поль pavimentum* (Unbe-gaun 1959: 8).

1.2. Лингвистическая компетенция автора «Грамматики французской и русской»: степень его владения грамматической терминологией, теорией и языковым материалом

Исследователями не раз отмечался тот факт, что автор «Грамматики французской и русской» плохо ориентировался в грамматической терминологии (Durovič 1995, 54). В частности, флексии и предлоги он называл *буквами* (*lettres*), а суффиксы то *буквами*, то *словами* (*mots*). См., например:

la lettre Я soit du Genre Feminin & de la premiere Declinaison (с. 17); avec le Genitif il faut la lettre y Par exemple Je suis eté auprès ma femme я былъ у моеу госпожу (с. 30);

Pour faire les noms adjectives des noms propres appellatifs & des offices s'il sera le nom de la premiere Declinaison, comme par exemple Императрица ou дѣвица il se formera du Genitif du Singulier avec la lettre инъ (с. 28);

De quelques noms Substantifs de la seconde Declinaison l'on formera les Adjetifs (sic!) des Nominatifs ajoutant au Nominatif le mot скоу (с. 29).

В грамматиках М. Смотрицкого (1721) и Ф. Максимова (1723) для обозначения флексий и предлогов использовались термины *ωконченіе* и *предлогъ* (см., напр.: (Смотрицкий 1721: 28, 110 об.)), однако автор «Грамматики французской и русской», по всей видимости, был мало знаком с церковнославянской грамматической традицией. О теоретической несостоятельности автора косвенно свидетельствует также дословный перевод с русского на французский всех форм в парадигмах существительных, местоимений и глаголов⁷. См., например,

⁷ Отметим, что Ж. Сойе, автор другой написанной по-французски грамматики русского языка (1724), не переводит формы в парадигмах существительного, из местоимений снабжает переводом только личные, зато последовательно переводит все глагольные формы, значение которых могло быть неочевидным для француза (Успенский 1987). Впрочем, дословный перевод парадигм мы находим также в более поздней русско-французской грамматике Шарпантье (Charpentier 1795).

склонение существительного *царица* — *la reine* (с. 15) или спряжение в *passé composé* глагола *венчать* — *couronner* (с. 41):

<i>Singulier</i>	ЕДИНСТВЕННОЕ	<i>j'ai couronné</i>	я вѣнчалъ
<i>la Reine</i>	Царица	<i>tu as couronné</i>	ты вѣнчалъ
<i>de la Reine</i>	Царицы	<i>il a couronné</i>	онъ вѣнчалъ
<i>a la Reine</i>	Царицъ	<i>j'ai couronnée</i>	я вѣнчала
<i>la Reine</i>	Царицу	<i>tu as couronnée</i>	ты вѣнчала
<i>avec la Reine</i>	съ Царицею	<i>elle a couronnée</i>	она вѣнчала
<i>de la Reine</i>	о Царицъ	<i>couronné</i>	вѣнчало

Очевидно, автор «Грамматики французской и русской» не владел языком грамматического метаописания в достаточной степени, чтобы объяснить значения падежей и времен. Тем не менее его теоретическая несостоятельность не свидетельствует о плохом знании русского языка, как на это справедливо указал Л. Дюрович (Durovič 1995: 55).

В пользу предположения о том, что автор «Грамматики французской и русской» хорошо владел русским языком, говорит, например, следующее обстоятельство. В «Грамматике» даны парадигмы спряжения двадцати глаголов — значительно больше, чем в любой другой русской грамматике первой половины XVIII в. Лексика глагольных парадигм «Грамматики» практически не имеет совпадений (кроме очевидных *есмя, имеою*) с другими грамматиками 1730-х годов и более ранними сочинениями. Автор «Грамматики французской и русской» справляется с видовыми и временными различиями, не путает формы настоящего и будущего времен, дает примеры как аналитического, так и синтетического будущего времени (*буду венчать, буду читать* — *пойду, поеду* и др.)⁸. Таким образом, глагольные

⁸ Заметим, что авторы-иностранцы, писавшие грамматики русского языка, нередко путали глагольные виды. Г. В. Лудольф в своей «Grammatica Russica» относит формы *сожгу, возму, встану* и др. к настоящему времени (Unbegaun 1959: 35–36). Г. Кайперт обращает внимание на видовую путаницу у И. В. Пауса (Keipert 2004:

парадигмы не заимствовались автором «Грамматики французской и русской» из другой грамматики первой половины XVIII в., но были созданы им самим.

Выше мы отметили, что автор «Грамматики французской и русской» плохо владел лингвистической терминологией — мы предполагаем, что грамматическая теория была известна ему не многим больше.

Структура изложения материала (порядок описания отдельных частей речи, порядок форм в парадигмах) была, очевидно, заимствована им из какого-то другого сочинения. В исследованиях 1990–2000-х годов. «Грамматика французская и русская» была отнесена к кругу так называемых грамматик Академической гимназии⁹. Л. Дюровичем был обнаружен возможный общий источник этих грамматик — анонимные

6 GRAMMAIRE	
Abreviations de la Langue Russe	
Агъль	Ангель
аггаски	ангелски
архангъль	архангель
Арханггаски	архангельски
апъль	апостоль
апаски	апоспольски
богъ	богъ
божство	божество
бца	богородица
блаженъ	блаженъ
благвенъ	благословенъ
благнь	благодать
богблагшыми	богоблагдшыми
Влака	Владька
владца	владьчица
владество	владьчество
воскрите	воскресение
Гдъль	Господь
гдъство	господство

74). Шарпантье весьма односторонне оценивает значение приставочных и суффиксальных средств в образовании видовременных форм (Charpentier 1795: 79, 118–119).

⁹ Термин «грамматика Академической гимназии» был введен Л. Дюровичем: «...авторский характер любого из текстов ГАГ <грамматики Академической гимназии. — Н. К., М. С.> очень относителен <...> Скорее их можно считать текстами, возникшими в среде преподавателей одной школы, которые подлежат списыванию, заведомому варьированию или изменениям, распространению, переводу» (Durovic 1992: 174).

грамматические таблицы, датируемые 1706–1707 гг., напечатанные шрифтом Э. Копиевского и находящиеся в фонде Extranea Государственного архива в Стокгольме (Durovič 1987).

При исследовании «грамматик Академической гимназии» основное внимание справедливо уделялось грамматической части учебников. Однако помимо морфологии и синтаксиса, грамматики русского языка первой половины XVIII в. и, в частности, «Грамматика французская и русская» включают в себя ряд «периферийных» разделов — например, словарь, раздел по графике и другие — не менее интересных с точки зрения истории и преемственности этих текстов.

2. Список сокращенных написаний под титлами (Abreviations de la Langue Russe) в «Грамматике французской и русской»

Один из разделов, привлечший наше внимание, — это список сокращенных написаний под титлами (*Abreviations de la Langue Russe*, с. 6–11). Появление этого списка в «Грамматике французской и русской» несколько неожиданно, так как автор «Грамматики», по всей видимости, не ставил перед собой задачи хотя бы немного познакомить своего читателя с церковнославянским языком (в отличие, например, от И. В. Пауса). Как мы уже отметили, в «Грамматике французской и русской» не представлен алфавит (на с. 3 дан лишь список русских эквивалентов для букв латиницы) и не указаны числовые значения букв. При этом список сокращений в «Грамматике французской и русской» весьма обширен — он включает в себя 102 лексические единицы (аналогичный список в грамматике В. Лудольфа (1696) включает в себя 35 л. е.; список грамматики Э. Копиевского (1706) — только 15 л. е.).

Возникает вопрос: почему раздел *Abreviations de la Langue Russe* появился в грамматике, которая по характеру подачи материала в большей степени напоминает разговорник, нежели полноценное грамматическое описание русского языка? Мы предполагаем, что автор «Грамматики французской и русской» включил список сокращений в свое сочинение по традиции,

ориентируясь на другие известные ему грамматические труды первой половины XVIII в. Действительно, такой же список мы обнаруживаем во всех современных и предшествующих «Грамматике французской и русской» описаниях русского языка для иностранцев, начиная с «Grammatica russica» В. Лудольфа (1696) и заканчивая «Россійской грамматикой» М. Гренинга (1750)¹⁰. В грамматиках церковнославянского языка Л. Зизания, М. Смотрицкого и Ф. Максимова подобных списков не было — приводились лишь общие замечания о написаниях под титлами, особенно о сакральной семантике таких написаний (Смотрицкий 1721: л. 16 об.; Максимов 1723: 179–180; Німчук 1980: л. 13), однако списки сокращений имелись в многочисленных церковнославянских букварях, начиная с Львовской и Острожской азбук И. Федорова (1578)¹¹. Характерно, что перечень сокращений в букварях записывался в строку, и при сокращениях не давалось полного написания слов. По нашему мнению, именно из букварей списки сокращений попали в грамматики русского языка, созданные в первой половине XVIII в.

2.1. Списки сокращений под титлами в «Грамматике французской и русской» и в других «грамматиках Академической гимназии»: сходства и различия, наличие общей номенклатуры

Список сокращений в «Грамматике французской и русской» мы сопоставили с аналогичными списками в других грамматиках первой половины XVIII в. Нашей целью было определить, не было ли у академических грамматик 1730-х годов общего списка-архетипа, разработанного на основе букварей и затем видоизменявшегося? Нами были рассмотрены следующие грам-

¹⁰ Такого списка мы не находим в «Grammatik der russischen Sprache» И. Э. Глюка, однако в его грамматике вообще нет раздела по орфографии.

¹¹ Списки в этих азбуках (раздел «По ортографии») имеют двоякую функцию. Одновременно с перечнем сокращений, здесь даются образцы склонения и спряжения (Немировский 1983: 65–69; 1985: 153–156). Номенклатура этих списков существенно отличается от списков рассматриваемых нами грамматик.

матики русского языка: «Grammatica russica» В. Лудольфа (1696); «Руководение въ грамматику во славяноросіискую или Московскою» Э. Копиевского (1706); «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (1731); «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова (1731); рукописная «пространная» грамматика русского языка В. Е. Адодурова (вторая половина 1730-х годов) и генетически связанная с ней «Российская грамматика. Thet är Grammatica Russica» М. Гренинга (1750).

Отметим, что авторы «грамматик Академической гимназии» принадлежали к одному научному коллективу, активно общались между собой и были хорошо знакомы с материалами друг друга. Так, М. Шванвиц с 1725 году работал в Академической гимназии, где преподавал немецкий и русский языки; И. С. Горлицкий в 1725–1727 годы преподавал в Академической гимназии латынь; там же преподавал Ш. А. Декомбль. В 1726 году в Академическую гимназию перевелся В. Е. Адодуров, а в 1727 году он был зачислен в студенты Академического университета, где среди прочих предметов изучал латынь, немецкий и французский. И. С. Горлицкий и И. В. Паус с 1720-х годов работали переводчиками при Академии, с 1727 года и В. Е. Адодуров начал заниматься переводами. Таким образом, неудивительно, что даже поверхностный взгляд на сопоставительный материал позволяет увидеть значительное сходство между списками сокращений в «Грамматике французской и русской» (102 л. е.), «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (86 л. е.), в грамматиках В. Е. Адодурова («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache»: 88 л. е.; «пространной» грамматике: 83 л. е.) и «Російской грамматике» М. Гренинга (87 л. е.).

Список из «Грамматики французской и русской» (102 л. е.) — наиболее полный по сравнению с другими списками. В нем имеется девять слов, которых нет в других «грамматиках Академической гимназии» (здесь и далее лексика списков дается в упрощенной орфографии): *богоблагодатный, господство, евангелистъ, людский, рожественъ, ученицы, ученическъ,*

Христовъ, честенъ. В свою очередь, другие грамматики включают слова, отсутствующие в «Грамматике французской и русской». Так, М. Шванвиц в «Compendium Grammaticae Russicae» добавляет слова *господень, князь, Отче Нашъ, сынъ*; В. Е. Адодуров в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» — слова *благо, глаголь, девка, денга, денегъ, князь, священныи, святыня*. Однако основной лексический корпус — общий для пяти грамматик. И в «Грамматике французской и русской», и в «Compendium Grammaticae Russicae», и в грамматиках В. Е. Адодурова, и в «Россійской грамматике» М. Гренинга имеется 61 лексема: *ангель, апостоль, Богъ, божество, богородица, блаженъ, благо-словенъ, благодать, владыка, Господь, государь, господинъ, госпожа, Давидъ, девица, девство, душа, день, евангелие, епископъ, Израиль, Иисусъ, Иерусалимъ, Крестъ, крещение, креститель, мудрость, милость, милосердие, милостыня, молитва, мати, Мариа, мученик, месяцъ, младенецъ, небо, небесныи, нашъ, ныне, Отецъ, отечь, преподобенъ, пророкъ, предтеча, присно, Рождество, святъ, солнце, сердце, страсть, Троица, троиченъ, учитель, ученикъ, Христосъ, царь, царица, церковь, человекъ, честь*.

Расхождения между списками касаются преимущественно включения производных форм, в том числе от перечисленных выше основ. В списках некоторых из перечисленных грамматик указаны такие слова, как *ангельски, архангель, архангельски, апостольски, владычество, воскресение, Духъ, духовныи, естество, епископство, израильски, любомудръ, отечество, отеческъ, Премудрость, пресвятъ, престоль, священникъ, смерть, слава, святитель, трисвятъ, трисвятое, христианинъ, царский, человеческий, честный*, тогда как другие грамматики некоторые из этих слов исключают. Г. Кайперт и А. Гутерер отметили общую тенденцию к устранению производных форм в более поздних версиях списка (Keipert, Huterer 2002: 75). Впрочем, расхождения касаются не только отыменных прилагательных *архангельски, апостольски, духовныи, епископство* и др., но и существительных *духъ, естество, любомудръ* и др.

При этом не всегда можно найти строгую последовательность в сохранении или пропуске производных форм автором той или иной грамматики. Если сравнивать списки в грамматиках В. Е. Адодурова со списком в «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (хронологически более ранним), то можно заметить, что В. Е. Адодуров устраняет слова *апостольски*, *христианинъ*, *честныи*, но при этом добавляет такие слова, как *владычество* (при *владыка*), *отеческъ* (при *отецъ* и *отець*), *священныи* и *святыня* (при *святъ*), *царский* (при *царь* и *царство*).

2.2. О вероятном существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии» и основанного на списке из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701)

Рассмотрение списков сокращений под титлами в грамматиках В. Е. Адодурова, М. Гренинга и в «Грамматике французской и русской» привело Л. Дюровича к выводу об архаичности списка «Грамматики», который затем подвергся «чистке» в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» (Durovič 1992: 187–189). По наблюдению Л. Дюровича, В. Е. Адодуров исключил около двадцати производных слов, имеющих в списке «Грамматики французской и русской». При этом некоторые исключенные в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» сокращения из «Грамматики французской и русской» были впоследствии восстановлены в более поздней «пространной» грамматике В. Е. Адодурова и в «Российской грамматике» М. Гренинга. Таким образом, редакция учитывала предшествующие тексты той же традиции, а не только непосредственные источники. Интересна и другая тенденция: М. Гренинг, вслед за В. Е. Адодуровым, обосновывает пропуск в таблице производных слов, объясняя в отдельном параграфе правила их сокращенного написания (Unbegaun 1969, 65). Несмотря на это, некоторые словообразовательные гнезда с производными словами сохранены в его перечне: например, *владыка* — *владычица*, *милость* — *милостыня*, *небо* — *небесныи*, и др., что показывает высокую степень зависимости от традиции, ограничивавшую инновации авторов.

Наличие значительного объема общей номенклатуры и очевидного общего принципа редактирования списка (пусть и непоследовательно реализованного) позволяет предположить, что списки «грамматик Академической гимназии» образуют единую традицию и восходят к некому общему списку-архетипу. Мы предполагаем, что этот список основывался на перечне сокращений из «Букваря» Ф. Поликарпова 1701 года (Поликарпов 1701)¹², практически идентичном перечне из московского букваря 1704 года (Букварь 1704) или из другого издания, сохранявшего ту же номенклатуру. Предположение в качестве источника «Букваря славенскими, греческими, римскими писмены» Ф. Поликарпова привлекательно по следующим историческим соображениям: И. С. Горлецкий (один из возможных авторов «Грамматики французской и русской») и В. Е. Адодуров были учениками Славяно-греко-латинской Академии, где некоторое время преподавал Ф. Поликарпов и для которой, вероятно, предназначалось его пособие. Трехязычный тематический словарь, составляющий вторую часть «Букваря», представлял большой интерес для составителей грамматик и разговорников (Keipert 2004: 76–78; Keipert, Uspenskij, Zivov 1994: 38–40). И, наконец, наиболее существенные аргументы в пользу списка «Букваря» Ф. Поликарпова дает сопоставление его номенклатуры с номенклатурой академических грамматик 1730-х годов. Большинство сокращений из списка Ф. Поликарпова (99 из 114) мы находим в «Грамматике французской и русской» и в других «грамматиках Академической гимназии». 15 сокращений из списка Ф. Поликарпова отсутствуют во всех «грамматиках Академической гимназии» — мы считаем это результатом сознательной переработки, сделанной автором списка-архетипа. Если рассмотреть перечень слов, исключенных во всех «грамматиках Академической гимназии», нетрудно заметить, что

¹² По мнению М. Шмюкер-Брелоер, «Букварь» Ф. Поликарпова является источником списка сокращений в «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И. В. Пауса и в «Grammatica Russica Hamburgiensis» (Schmücker-Breloer 2001: 36–37).

это — производные слова, преимущественно отыменные прилагательные: *архангели*, *божественный*, *Богородичень*, *господственный*, *Господи* (при сохранении в списке формы *Господь*), *Давидовъ*, *днесь*, *матерь* (при наличии параллельной формы *мать*), *мученичество*, *небомудренный*, *пророчица*, *сердечный*, *троическъ*, *ученицы*, *христианскій*. При этом исключение этих 15 лексем не вполне очистило список от производных слов: так, было исключено слово *мученичество* при сохранении слова *царство* (наряду с *царь*), исключено *сердечный* при сохранении *небесный* (наряду с *небо*) и т. п. Такое непоследовательное сокращение подтверждает нашу гипотезу о существовании общего списка-архетипа, так как вряд ли оно могло быть произведено несколькими авторами независимо друг от друга.

Говоря о существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии», мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что у списков сокращений в «Букваре» Ф. Поликарпова и в «Грамматике французской и русской» есть девять особых соответствий. Это слова *богоблагодатный*, *господство*, *евангелистъ*, *людский*, *рождественъ*, *ученицы*, *ученическъ*, *Христовъ*, *честенъ* — их нет ни в одной другой академической грамматике 1730-х годов. В связи с этим можно было бы предположить, что список «Грамматики французской и русской» — хронологически наиболее ранней из «грамматик Академической гимназии» — послужил архетипом для более поздних описаний русского языка. Однако основной тенденцией предполагаемого архетипа было устранение из списка Ф. Поликарпова производных слов, а этой тенденции мы не находим у автора «Грамматики французской и русской». Отсутствие в списке «Грамматики французской и русской» слов *архангели*, *божественный*, *Богородичень*, *господственный*, *Господи* (при *Господь*), *Давидовъ* и др. при сохранении слов *богоблагодатный*, *господство*, *евангелистъ*, *людский*, *рождественъ* и др. невозможно объяснить другими причинами, кроме как использованием общего с другими академическими грамматиками списка-архетипа, с внесением в него некоторых дополнений. Пользуясь списком-архетипом, автор «Грамматики французской и русской»,

очевидно, обращался одновременно и к списку Ф. Поликарпова — именно так мы объясняем наличие особых соответствий в списках «Букваря» и «Грамматики французской и русской». Автор «Грамматики», вероятно, не вполне понял тот принцип, в соответствии с которым из списка-архетипа были исключены некоторые наличествующие у Ф. Поликарпова слова. О таком непонимании говорит буквальное следование списку Ф. Поликарпова в двух особенно примечательных случаях. Автор «Грамматики французской и русской» сохраняет в своем списке краткую и полную формы прилагательного *честень* и *честный* наряду с исходным существительным *честь*¹³; чуть выше в списке сохранена церковнославянская форма множественно-го числа от *ученикъ* — *ученицы*¹⁴.

Так как автор «Грамматики французской и русской» очень непоследователен в исключении производных слов, мы полагаем, что список сокращений «Грамматики французской и русской» вряд ли может претендовать на роль списка-архетипа, к которому обращались авторы более поздних грамматик по русскому языку. Очевидно, автор «Грамматики» сам заимствовал слова из некоего составленного ранее списка, а затем добавил к ним некоторые слова из перечня «Букваря».

*
* *

В результате сопоставления списков сокращений в грамматиках русского языка первой половины XVIII века мы можем сделать вывод, что списки «грамматик Академической

¹³ В списке «Compendium Grammaticae Russicae» указано только прилагательное *честный*, в списках других «грамматик Академической гимназии» отсутствуют оба прилагательных.

¹⁴ В «Грамматике французской и русской» нет парадигмы склонения слов с основой на заднеязычный; в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» даны только непалатализованные формы множественного числа: *порогъ* — *пороги*, *лукъ* — *луки*, *человекъ* — *человеки* (Unbegaun 1969: 19, 21). Ср. склонение у Смотрицкого: *другъ* — *друзи*, *пророкъ* — *пророцы* (Смотрицкий 1721: л. 42об.–43об.).

гимназии» образуют единую традицию и восходят к общему списку-архетипу, составленному в самом начале XVIII века (до 1706 г.) на основе перечня сокращений из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701). Автор «Грамматики французской и русской» при составлении своего списка использовал уже переработанный вариант списка-архетипа, дополненный кириллической расшифровкой сокращений. Он сохранил существенную черту списка-архетипа, не переданную другими грамматистами, — знаки придыхания и ударения, а также «восстановил» ряд пропущенных в списке-архетипе слов по «Букварю». По всей видимости, составитель списка-архетипа пытался очистить список от производных слов, однако автор «Грамматики французской и русской» не вполне понял (или одобрил) принцип, в соответствии с которым были исключены некоторые наличествующие у Ф. Поликарпова слова, — как мы показали, предпринятые в «Грамматике» «восстановления» носят случайный характер.

Таким образом, мы можем констатировать, что в «Грамматике французской и русской» не было продуманной концепции, фактический материал не выверялся и, возможно, не перечитывался, однако эти недостатки компенсировались использованием хорошо разработанных источников. Уточненные в главе сведения об источниках «Грамматики французской и русской» указывают на то, что автор «Грамматики» принадлежал к кругу преподавателей Академической гимназии или сотрудников Академии наук; кроме того, он был носителем русского языка, что подтверждается свободным владением как лексическим, так и грамматическим материалом.

N. Kareva, M. Sergeev. «Grammaire Française et Russe» (1730) and the formation of the academic grammatical tradition in the first half of the XVIII century.

The chapter presents one of the first grammars of the Russian language “Grammaire Française et Russe en Langue moderne” (SPb., 1730). The personality of an author is concerned, what sources did he use to compile his work are treated in the article.